

XIX века (прежде всего русского и XIX), позволяет Пастернаку воссоздать самым стилем своего романа образ русской классической культуры, в растерянности и раздумье стоящей на пороге русской революции — часто бессмысленной и кровавой. Именно образ всей русской культуры в ее неповторимости и единстве!

Взять хотя бы имена персонажей, фигурирующих в романе «Доктор Живаго». Внимательного читателя не оставляет ощущение, что в одном тексте словно смешались представители разных художественных миров. С одной стороны, Амалия Карловна, Родя, Комаровский... будто пришли из романов Достоевского; с другой — Нил Феоктистович, Куприян Савельевич, Липочка, Фелицата Семеновна ... персонажи пьес Островского. Тут же и толстовская философия истории (но словно преломленная через призму знаменитого в предреволюционные годы романа В. Ропшина (Б. В. Савинкова) «То, чего не было», — романа, со всей трагической отчетливостью и художественной силой поставившего проблему несовместимости нравственно-гуманистических идеалов и террора, насилия — даже если оно и освящено целями революции, свободы, раскрепощения народа). И рядом — Пушкин (но не поэт, точнее, не столько поэт, сколько историк, автор «Истории пугачевского бунта» и «Капитанской дочки»): «С Пушкина началась русская современность, живая, действительная, наш нынешний образ мыслей. Пушкин построил здание нашей духовной жизни, дом русского исторического сознания» (Из письма Ю.-М. Кейдену, 22 августа 1958 г. [2, с. 355]).

Примеры подобного соединения различных стилей русской литературы и разных стиливых принципов можно было бы легко умножить. Гораздо важнее увидеть за всем этим сознательным «разнотильем», или «полистильностью», Пастернака не только образ внутренне противоречивой и разнотильной русской культуры, органично включающей в свое целое и Пушкина, и Пугачева, и Толстого, и Достоевского, и Островского, и Блока, но и образ самой противоречивой, разнотильной и разноукладной России, вступившей на путь революции. Сама жизнь, судьба связала все изначально разнородное в один тугой, неразрешимый узел. Причем и эта несоединимая разнородность, и этот затянувшийся узел были подготовлены всем неотвратимым ходом русской истории.

Или — «круг чтения» героев. Возглавляющий Юрятинский горсовет Самдевятков «разбирает и толкует „Бесов“ Достоевского и Коммунистический Манифест одинаково увлекательно» [4, с. 274]. Тем временем в доме Живаго перечитывают «Войну и мир», «Евгения Онегина» и все поэмы, «Красное и Черное» Стендаля и «Повесть о двух городах» Диккенса, псалмы [См.: 4, с. 276]. Все эти тексты (иностранные в русском переводе) соединились в сознании читающей России, вступили во внутренний спор друг с другом или заключили между собой непрочный союз. Но ведь все эти книги, литературные произведения, художественные и нехудожественные миры что-то же определили в истории России, в ее движении к трагическим испытаниям революцией и всеми войнами!

Возьмем хотя бы предсмертную исповедь Антипова-Стрельникова Юрию Андреевичу: «Так вот, видите ли, весь этот девятнадцатый век со всеми его революциями в Париже, несколько поколений русской эмиграции, начиная с Герцена, все задуманные царевубийства, неисполненные и приведенные в исполнение, все рабочее движение мира, весь марксизм в парламентах и университетах Европы, всю новую систему идей, новизну и быстроту умозаключений, насмешливость, всю, во имя жалости выработанную вспомогательную безжалостность, все это впитал в себя и обобщенно выразил собою Ленин, чтобы олицетворенным возмездием за все содеянное обрушиться на старое.

Рядом с ним поднялся неизгладимо огромный образ России, на глазах у всего мира вдруг заплывавший свечой искупления за все бездолие и невзгоды человечества» [4, с. 447].